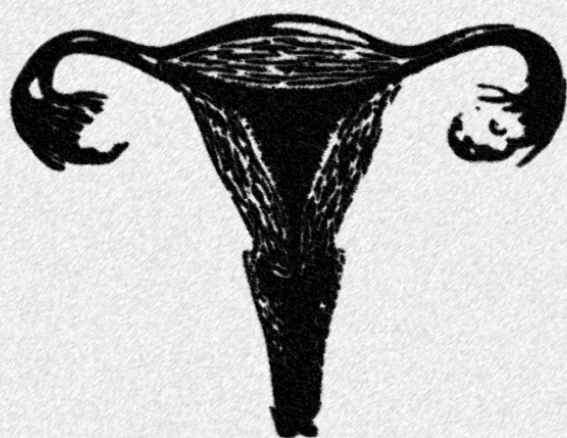

**ХОРОНИТЕ
ВОНИЧКУ**

ВОЇТ СОДОМА

ХОРОНИТЕ ВОНИЧКУ

ПОВЕСТЬ

Она здесь покоится, и нельзя ошибиться насчёт этого. Но Воничка наотрез отказывалась признавать, что она покоится под землёй.

— Прошу не говорить так больше, — отвечала она, Воничка. Её так звали.

Все оборачивались, осенние листья не подлетая кочевали по улице с определённым ветром, и, когда он утихал, люди сворачивались. Воничке в голову приходили странные мысли, которые она всеми силами старалась подавить; смущало её имя собственное — Воничка. Было ли оно полным? Из чего оно состояло?

Но какая разница может быть сейчас, когда на тебя клеветают и обвиняют в смерти, говорят о том, что ты — живой человек — погребён? Указания людей, стоящих в Королевской семье, абсолютно ничего ей не говорят. Ведь действительно, её имя было написано на скрижалях, прикреплённых блестящими гвоздями к стене. Стена являла собой каменный монолит. Этот монолит относился к древней легенде о Короле, которого убила лучница. «Король-таки похоронен здесь: я вижу его имя и фамилию, — думала Воничка. — Но лучница, убившая Короля, на моём месте расположенная, смущает меня. Неужели она и есть я — то есть лучница, совершившая убийство Короля? Именно поэтому, наверно, моё имя вынесли на площадь эту».

Воничка кричала во всё горло о прощении и о прекращении. Она не молила о своей пощаде — молила пощадить иных, неверных ей, оклеветавших её тело мёртвым состоянием. Какая наглость, думала Воничка, какая наглость взбрела в голову этим негодяям; стражникам, что стоят и едят абрикосы у Королевских покоев, не обращая внимания никуда, кроме собственных дел, и этой милой девочке, со светло-солнечными волосами, носящей в своих припухлых ручках почти всегда клубок ниток, ищущей кого-то или что-то в аллеях.

Воничка крутила затёкшую шею в разные стороны, смотря на проходящих людей, надеясь на реакцию с их стороны, и раскидывала руки, не обтянутые в рукавах одеждой. «Посмотрите на меня!»

Никто на Воничку не смотрел. Никого, кажется, вовсе не смущала эта странная могила неизвестной, но при этом живой девушки, стоящей на площади, прямо перед Королевскими воротами.

— Отойдите же! отойди же! — начало вдруг доноситься из-за угла. — Отойди! — Он остановился.

Непонятный молодой мужчина с бородой, вышедший много лет назад из казематов, гнал лошадь вперёд и отпугивал маленьких мальчиков, если те проходили на пути. В повозке, движущейся абсолютно автономно, накрытая бедным брезентом, лежала огромная куча золотых самородков. Самородки эти, связанные толстыми канатами, прикрывались также мощными, сидящими на них

стражниками. Они болтали ногами и смеялись.

— Груз Королю! — кричал мужчина два слова, уверенный в том, что они наделены невероятной внушительной силой.

Воничка подбежала к повозке.

Мужчина уже замахнулся своим кулаком, но увидев Воничку прозрел и остановился.

— Знаю! — закричал он, — знаю вас!

Воничка от ужаса прижала руку к груди. Не было сил заговорить.

— Пожалуйста, девушка, присаживайтесь, — продолжал он. — Стража! Стража Короля! оторвать канаты!

Стражники спрыгнули тотчас, когда затормозила повозка, и своими длинными, вытянутыми из-за пазух мечами разрубили переплетения верёвок; золото со стеклянным щебетом упало на землю. Вокруг всё затихло. Люди обернулись на шум и остановились в тех позах, в которых совершали путь, и всё это выглядело очень неприятно, как бы подверженное болезни.

Воничка походила на мелкую птичку, беспрестанно движущую своими крыльями от перепугу или желания покинуть что-то.

Повозчик протянул ей свою руку и Воничка села. Она до сих пор боялась этого странного человека.

— Я вас знаю, молодая девушка, я о вас наслышан, — говорил он, улыбаясь сквозь свою бороду белыми, чищенными зубами. — Всё было бы не так, о!.. Всё было бы не так, если бы я не увидел вас у скрижалей. Наша встреча произошла лишь потому, что вы были на фоне Короля и сияли там. Многое вам предстоит рассказать.

II

— Начну с того, что вы — настоящий миф здешних земель! О, удивительно — вы — лучница, убившая Короля в своё время...

Воничка хотела перебить его и сказать, что она никакая не лучница, однако не нашла в себе сил.

— Прошу, не смотрите на меня так, — продолжал мужчина, пока вокруг него двигались стражники. Они, по-видимому, сторожили золото. — Так тяжело признаться в подвигах, я знаю; но это вовсе не повод для смущения. Сядьте ближе, ближе... Вот так. Позвольте... Я не ожидал увидеть вас воочию. У меня не находится больше слов.

Мужчина замолчал. Большую часть молчания он наблюдал за своими такими же молчаливыми стражниками, разглядывал скрижали и, как поняла Воничка, читал мемуарные надписи. Несомненно, он читал их и до этого.

Воничка набрала воздуха в лёгкие и произнесла надломленно:

— Простите меня, простите... Я не понимаю, о чём вы говорите! Я вовсе не лучница, — она улыбнулась, и выглядело это очень искренне, — не лучница. Я обычная девушка, не находящая себе места в Королевстве. Я блуждаю, как маленькая проститутка, из одного места в другое. Не имею я отношения к такому великому, героическому подвигу лучницы — убийству деспота нашего прошлого, Короля. Ох, не имею...

Мужчина как будто её не слушал.

— Я приехал из Северной Коалиции, чтобы услышать такие глупые и неоправданные слова? Даже не смотря на то, что я говорю вам не смущаться участи вашей? Вы хотите, чтобы я не обижался?.. — Мужчина достал скомканный кнут из-за пояса и замахнулся. Кнут свистнул, словно приготовленный, и опустился на случайного стражника. Стражник вскрикнул.

Воничка ахнула, но не двинулась. Её пальчики не закрыли рот, что было для неё неестественным.

— Я не лучница! Я живая! Я живая! — стала повторять она, надеясь, что эти слова отрезвят мужчину.

— Мы живые, — окружил он Королевство своей рукой, — все живые. Разве не так, милая лучница? Я ведь не искал вас. Вы сами пришли сюда, в первый раз за многие, простите, десятилетия?.. Сколько вы не посещали это место? Конечно, я вижу вас! Я отбывал наказания в казематах и знаю людей. Попробуйте посидеть там с другими людьми!

Воничка совсем сбилась с мысли. О чём же говорит этот странный мужчина, выходец из казематов, главарь непонятных перевозок? Он шутит, вероятно; хочет показаться глупым или выпросить денег.

Воничка трясущимися руками полезла в волосы. Там она нащупала деньги.

— Вот, возьмите, — она протянула купюру мужчине.

Мужчина переменился в лице. Чёрная злоба наполнила его. Кнут в руках замахнулся и красной кровоточащей линией опустился на плечо уже раненого стражника. Мужчина убивал стражника. Он кричал, как умирающая псина, на всю площадь, привлекая взгляды. Стражник скорчился. Вся его одежда приняла грязный вид и начала рваться на месте хлёстких ударов. Все его мужественная сдержанность и терпимость развеялись там же, на площади, перемешиваясь с паром дня. И так он испустил дух. Под визгливый плач Вонички, которая с детским ужасом смотрела за этим, мужчина бросил окровавленный кнут на истерзанного стражника. Все затихли, даже те, кто языкасто наставлял людей.

— Запрягайтесь, — сказал мужчина с долей крамольности. Какую крамолу он затаил на Воничку, или, правильнее сказать, на купюру — неизвестно.

Повозка тронулась без золота. Воничка сидела как громом поражённая, а её тело показалось живым лишь тогда, когда стало волноваться от неровной дороги.

III

Повозка бесчувственно остановилась у обочины вытоптанной тропы. Вокруг было слишком много зелени, растений, зарослей и кустарников, которые скрывали за собой маленькие одноместные домики Тропической деревни. Она называлась так, как известно, из-за высокого климата. За её пределами температура отличалась.

Воничка приняла лежачее положение на повозке, её накрыли стражники. Палящее солнце светило в глаза циркулярным диском, очень белым своим свойством и очень ярким. Мужчина же от злобы отходил; однако ему казалось, что все вокруг смотрят на него с презрением, отчего выкрикивал на стражников брань.

Один раз самый высокий и коренастый волосами стражник ответил мужчине, когда тот демонстративно замахнулся на него кулаком. Было это так: Воничка привстала и накрытая на неё ткань немного приспустилась, и мужчина вновь разозлился, так как подумал, что действия стражника разбудили Воничку. Воничка же не спала. Стражник молчал ещё дюжину секунд после того, как мужчина воротился к своим обязанностям. Потом он начал облизывать свои зубы под губой (выглядело это, словно у него во рту клубились черви), встал на колени и грозно сказал, обращаясь к мужчине:

— Не подставляйте! Не подставляйте! Я ворвусь однажды к вам!

Мужчина улыбнулся и даже не обернулся на него.

— Куда ты ворвёшься? — самонадеянно сказал мужчина. — Мы прибыли.

Стражники встали. Мужчина подал руку Воничке.

Перед их глазами появился огород. За ним, чуть поодаль, стоял первый домик. Стража пошла открывать двери.

— Куда мы прибыли? — спросила Воничка как бы саму себя.

Мужчина провёл её до забора.

— Это Тропическая деревня, — ответил он. — Тропическая деревня. Наша цель — этот дом. Стража, стража!

Мужчина подбежал к дверям, поправил волосы. У него они были жидкими и редкими, как у старушонки. Впрочем, раздался костлявый, глухой стук. Стражник отступил.

— Зачем же, зачем же мы прибыли сюда, в эти земли? Просить прощения? — мышкой говорила Воничка.

— Нет, — ласково отрезал мужчина, — прощения просить не у кого. Все те, кто мог был прощённым, погибли.

Дверь отворилась: на пороге стояла высокая и толстая фигура, облачённая в докторский балахон без капюшона. В кармане его небольшой частью выглядывал, конечно, потрёпанный том Марии Ремарка. «Читал, пока не постучали», — подумал мужчина, уважительно кивнув.

Доктор отошёл влево и распростёр руку, приглашая гостей. Сначала вошёл мужчина, потом, по его же велению, за ручку, вошла Воничка. Стражники зашли последние и дверь за ними закрылась мраком.

Стражники заняли свои места без предварительных указаний на это. Они ведь не глупы.

Доктор провёл мужчину с Воничкой в гостиную. Осветились во мгновение их лица камином. На самой толстой фигуре, докторской, было больше всего тенистых складок, порой совсем противоестественных человеческому телу. Этого никто не заметил и, по прихоти самого доктора, мужчина с Воничкой вошли первые, даже не успев заметить эту странную, совсем незначительную иллюзию; доктор не хотел их спугнуть.

Гостиная всем своим видом показывала, что здесь принимали гостей исключительно важных: коричневые сами по себе, но до ужаса тёмные из-за слабого огня, стены, стоящие без лишних картин и реликвий; кажушиеся мокрыми, но таковыми не являющимися, напольные покрытия. Описываются оные во множественном числе потому, что не одиозны здесь: тут и там, в каждом углу, к которому отдельно приставлялось какое-то рабочее сооружение, материал и вид пола сильно отличался.

Доктор усадил гостей на кожаные грубые скамейки. Он сел рядом.

— Как-то мы с вами уже встречались, — противным голосом сказал доктор.

Воничка не сразу разобрала ту мерзость, о которой идёт речь, и, пожалуй, единственная не насупила бровки.

— В том-то и проблема, — ответил мужчина. — Наши последние встречи не хвастались своим поводом. Вспомните только, зачем мы собирались в прошлый раз — смерть Евангелие от Иоанна...

Тут Воничка и поняла, что боль в груди вовсе не физическая.

IV

В гостиной стояла тишина. Воничка ничего не хотела произносить и даже дышала так, чтобы вздохи не было слышно. Её пугало это место своей зловещей обстановкой и неразумным положением вещей. Доктор так же молчал, однако не долго.

— Я занимал высокий чин, — начал доктор, — и служил алхимиком в Северной Коалиции. Вы ведь помните, где она располагается? — обратился он к мужчине и, не дожидаясь ответа, достал свёрнутую свитком географическую карту из балахона. — Она объята полностью северо-восточным морем без названия. Простите... Карта очень древняя; я не заметил, был слеп, как название моря стёрлось. И не помню, во грех себе, его название. Это море велико. Кажется, это всё, что я о нём знаю. Северная Коалиция имеет форму сжатого треугольника, каждый угол определяется мысом. Северный мыс, — можно сказать, небольшая столица Коалиции. Там находятся самые важные инстанции. Западный мыс считается бором... И, наконец, восточный мыс: полевые лаборатории, много травы. Впрочем, какая разница?

Воничка много раз слышала о Северной Коалиции, но ничего не могла рассказать. А доктор её заинтересовал: это было видно по бледному, искреннему лицу и маленьким, приоткрытым губам. Ей вообще не было дела до причины такого внезапного географического изъяснения доктора, но она слушала.

— Я был там последний раз три месяца назад, по пересылке, в связи со смертью Евангелие от Иоанна, — продолжал доктор. — Работал на восточном мысе, получал деньги. А после... — доктор прикусил щеку, — после что-то произошло в семье моей. Моя дочь заболела. Психически, отмечу я. Мне было тяжело разрываться между ей и работой. Притом, что мы регулярно общались письмами... И однажды я заметил... точнее, я заметил это и раньше, просто не обратил должного внимания — внимания к её лихорадочному бреду. Я бросил все вещи и проекты, запросил у старых сел отсрочку и поехал. Теперь я живу здесь, со своей доченькой.

Мужчина ничего не отвечал. Понятен смысл и понятна суть — незачем задавать вторичные вопросы. Мужчина внимал сказанное доктором с полуслова, и его голова отбрасывала на стену черепную тень.

Доктор положил руку на плечо мужчины:

— Иногда я не понимаю, что делал там. Для чего трудился и на кого? Был ли смысл в моём труде? Получал я деньги или искусственную, запёкшуюся и свернувшуюся кровь в том же виде?

— Давай без пошлости, — сказал мужчина.

Воничка встала и прошла вглубь дома, в комнату, совсем неосвещённую канделябрами и не закрытую. В темноте её души зажглась звёздочка. Аккуратные прежде движения активизировались.

Дыхание участилось и грудь начала вздыматься. В общем, она заметила сидящую за столом девочку. В голове пронеслась упоительная мысль, что это — дочь доктора. Горбатенький, низкий силуэт показался ей воплощением добра и милости. Воничка держалась за дверь, её руки дрожали от странного предвкушения. И тогда она вошла.

Девочка испуганно посмотрела на неё, бросив волосы в сторону. Тонкая, точно кость, рука спрятала то, что держала пару секунд назад. «Что же ты делаешь там, милая девочка?»

Девочка встала и стул под её задницей заскрипел назад.

— Здравствуйте, — сдавленно прошептала она. Что-то в ней выдавало манию, возможно женскую. Просветы окон выдали фигуру: совсем плоское и бесформенное тело стояло перед Воничкой, сконфуженно опустив конечности, висящие, как казалось, тяжёлыми змеями, и совсем не качались, как лист на дереве. В правой части её головы комок волос был более завитым, чем в левой. Она не мылась и от неё неприятно пахло животными.

— Ты держишь здесь собаку? — спросила Воничка и села на скамейку, расположенную рядом со входом, сложив ладони на коленке. — Так необычно пахнет! Ты держишь здесь собачку?

— Папа не разрешает животных в дом, — умолкла она. — Но я знаю, что от меня пахнет...

— Ты не моешься? Совсем-совсем не моешься в твоём-то возрасте? Папа тебя так учил?

— Папа меня ничему не учил. Он не такой умный, каким кажется. Или вы нашли в нём учёного? — с нарастающей неприязнью говорила девочка.

Воничка хотела было даже остановиться, но что-то на её языке щёлкнуло, да так неприятно, словно типун, и она продолжила с огнём в душе:

— Я не заметила в твоём отце чего-нибудь странного или неуместного. Но заметила в тебе что-то притягательное. Честно!

— Мой отец нынче картограф, — подхватила девочка. — Никакой он не учёный. Ничего умного он не знает и расскажет. Не слушай его.

— Я не слушаю... Ты моешься? Девочкам положено поддерживать чистоплотность.

— Я бы хотела показать тебе своей дневник, — она зачесала затылок под волосами, протянув тетрадь в чёрном мягком переплёте. Воничка с осторожностью взяла тетрадь и сразу ощутила кончиками пальцев, что обложка повидала многое. На неё выливались масла и кровь. Воничка точно могла определить засохшую кровь, которую не очень упорно пытались оттереть.

Воничка приложила тетрадь к груди и посмотрела на девочку, продолжающую чесать голову. (Воничка и не догадывалась, что девочка колукает аленький нарыв.) Когда Воничка отворила записи, девочка с поражением села, уткнув лицо в пол. Слабая спина... Чёрная мазь лежала на верхней полке. Вот, вероятно, почему некоторые части её

детского тела черны и сливаются в темноте помещения.

Воничка вышла на свет. Записи датировались прошлым годом. Вот одна из них:

Мне хочется домашнего питомца. Уличные собаки и куры меня не привлекают на сегодняшний день. Одну курицу я даже попыталась отравить настойкой. Я нашла настойку в папином ящичке. Курица клевала зерно и почти подошла к воде, но нет — курица не попила воды. Я думаю, её остановил резкий запах. Действительно. Настойку пили собаки. Одну я увидела мёртвой, когда вышла летом. Мне удалось отравить суку. Она умерла сосками вверх, как мразь. Нахлынувшие воспоминания разбудили во мне девочку. (На этом запись окончилась, но видно было, что многократно повторяющиеся точки сулили на своём месте новое предложение.)

Воничка с хлопком закрыла тетрадь. Мерзость, подумала она, сплошные извращения детского, тронутого ума. По её спине несколькими legionами прошли насекомые (мурашки). Воничка отдала тетрадь девочке.

Девочка охотно взяла, а в этот момент на её улыбке защёлкали зубы. Так скалится свинья, заведённая в гуще трюфелей безволосое тело, или птица, летевшая пить воду.

— Неужели правда? — недоверчиво и как бы с сожалением произнесла Воничка, присев на пол. — Как же ты страдаешь? В тебе, маленькой, хрупкой... — невинной девочке — живут такие бесы. В этом есть вина отца? — сказала так, будто спросила, Воничка, — ведь я вижу твои глаза; а такие добрые глаза... Что довело тебя до такого иступления? Долго ли ты здесь живёшь? Может быть, тебе не к кому обратиться? Да вот же — я, перед тобою, девочка, милая! Иди ко мне, прошу тебя, иди ко мне. — Воничка встала на одно колено, в темноте её лицо сжалось от невыносимой муки, тонкие губки затряслись. Воничка раскрыла руки и смотрела на девочку с чистейшей искренностью, свойственной только святому человеку.

Девочка оторопела. «Написанное мною бесчестье... не тронуло её? Как же так! Её совсем не колышет, наверно, убийство собаки и моё совсем нездоровое возбуждение после, мои нездоровые ассоциации и сравнения... И сейчас она стоит и хочет обнять меня. А мой отец в гостиной, общается с дядей. Сколько меня поедали сомнения, сколько я боялась раскрыться — и всё зря!.. Она протягивает мне руку... Я не привыкла, не привыкла! Когда я сидела в яме — все проходили мимо, не замечая меня. Что же я могу сказать теперь? что могу ответить на её слова? Ответить: „если тебя не трогает моё безумие — ты безумна сама“?»

Но очнувшись девочка уже в объятиях Вонички, погружённая лицом в её волосы. Воничка прижала девочку всем телом и оплела её руками, как только могла. Такие действия повалили Воничку на пол: сначала она упала на задницу, а потом плавно легла; девочка осталась сверху, перекатилась направо, Воничка, казалось, только сильнее обняла её, и так обе застыли. Молчание их длилось не вечность — пока девочка не заплакала.

— Зачем ты приехал? — спросил доктор, выливая в глиняную чашку чаю. На столе была всего одна.

Мужчина наблюдал за этим.

— Я и не помню, — ответил он без интереса к ситуации. — И

вообще, мне стало безразлично, с кем я приехал. Ту девушку, что вошла со мной, я забыл. И правильно сделал. Не помню, как она выглядит... Но что-то в ней меня зацепило, что я явился к тебе, доктор; только что? Хрен его поймёшь, что мне, старику, в голову взбрело.

Доктор залпом осушил свой чай. После этого голос его превратился в хриплое мурлыканье.

— Мне и самому абсолютно нет дела до того, с какой целью ты ко мне приехал; и с кем ты приехал — плевать. Плевать, — отметил доктор. — Не имею желаний вникать.

Оба встали и проследовали в комнату, куда вошла некогда Воничка. Впотьмах что-то шевелилось и рыдало. Это первый услышал мужчину, ошупывая бороду на прыщи. Доктор услышал впоследствии и предложил встать мужчине. Вот как раздавалось рыдание: сначала шёпот, переполненный слезами, гулким паром плавал над полом, забиваясь в уголки; за ним шла череда всхлипов, очень жидких и мучительных, словно всхлипывающему было тяжело это делать; затем, разрезая всё предыдущее, следовал стон, один единственный стон, непохожий ни на сексуальный, ни на вымученный.

Доктор сорвал со стены лампу и вошёл вперёд. Мужчина испуганно зажался на месте, даже не пытаясь двигаться. Первый же вытянул руку вперёд, прошло немного времени, и кромешный мрак, словно тот был одушевлённым скоплением маленьких мошек, рассеялся во все стороны тёплым керосиновым светом; небольшая часть помещения всё так же была скрыта. Мужчина сделал шаг, и то, что издавало звуки, показалось ему: сгорбленная и полностью поражённая, девочка сидела на коленях Вонички (когда сама Воничка присела на кровать) и, подобно ребёнку, прижалась к её груди, едва пересиливая себя в том, чтобы не вцепиться зубами в соски. Тетрадь валялась в разорванном виде по всей комнате. На стене, долгое время неосвещённой, находился распятый кошачий труп, дурно пахнувший навозом, в своё время истёкший противной кровью, выпотрошенный на совесть и, пожалуй, безглазый.

И с докторских губ упало:

— Евангелие... Меня ослепило солнце.

Мужчина вошёл следом. В его глазах было слишком много печали, смотря на то, как Воничка лелеяла девочку, точно свою родненькую дочь. Доктор и не нашёл слов после тех, недавних... Лампа ослаблено опустилась, отчего пара бедных женщин на кровати медленно потерялась в темноте.

VI

Все встретились уже на улице. Мужчина стоял у дома, подбоченившись о стену, и курил. Сзади него находилась пустая повозка — стражники дежурили внутри. Доктор стоял под яблоней, в тени, взглядом желая проделать нору в земле. Толстый и нескладный, в белом докторском балахоне, он походил на человека, который думал, что терять уже нечего, а в итоге терял что-то гораздо значимей прошлых вещей... Его поражал тихий ужас; возможно, это самые подходящие слова. Сзади доктора высокими кольями забор ограждал дом.

Может показаться, что Воничка не находила себе места между двумя этими людьми и, стгорая от материнской ласки, осталась в комнате девочки, чьего имени даже не знала. Однако она стояла во дворе; только девочки не видно было рядом. И где она могла потеряться, подумал мужчина, в этом-то маленьком дворике? Шея его не поворачивалась, точно не искала.

Как вышли — так и стояли молча, пока мужчина особо уныло не отдал приказ стражникам занимать места и запрягать повозку. Никто не обратил внимания на то, что лошадей в обозе, собственно, не было.

Доктор подпрыгнул, его жир подпрыгнул. Он вцепился в кадык яблока и оторвал его от ветви, вкусил его зубами. Полился сок. Влажная и мокрая. Мужчина что-то подвыл, глядя на это, и уселся в повозку с глухим ударом. В этот момент как будто всё встало на свои места, однако Воничка почувствовала, что всё, наоборот, со своих мест соскочило, как шестерёнки. Механизм обыденного равнодушия надломился, и тропическая деревня приобрела пустоту.

VII

Опомнились уже на степной дороге. Поехал и доктор — всё время сидел, опустив голову до пола, и думал о ком-то; никто не выражал интереса по поводу его мыслей. Когда они только поехали, то обернулись на доктора, стоящего под яблоней, и доктор решил присоединиться к ним, оставив свою дочь с неизвестной ему девушкой. Каков ужас ситуации, думали стражники, развернулся перед ними.

— Скоро собрание свиты, — втихомолку произнёс один из стражников другому, — будем ехать?

— Куда мы денемся? — отвечал другой стражник. — Поедем. Поедем, конечно. Нас никому не сломить и не надломать — мы не веточки. Если мы пойдём в бой, то вернёмся, может быть, обезличенными.

Но первый стражник не слушал: часто бывает такое, что жалко становится приятеля, у которого верным шагом ум сходит с рельс.

— Бредятина и отсебятина, — завершая любые перешёптывания, сказал мужчина. Он ударил лошадь рубцом ладони, и она смолчала.

Пот на спинах высох. Повозка удалялась от Тропической деревни. Однако звери, торжествующе топая копытами, двигалисьстрой и вплавь одинаково, как слепые, не зная своего пути. «Мы идём, — говорили лошади, — по вашему же приказу». Лошади ничего не говорили, даже не ржали при ударах. Доктор заговорил впервые, когда уже было темно и стрекотали кузнецы, и один из стражников, находясь внизу, видел доктора на фоне тёмно-синего неба.

— Господи, — сказал доктор этому стражнику, — кого ты сторожишь? Его? — и он указал рукой на мужчину. — Так и толку, брат? Я же вижу — здесь был груз. Куда он делся, брат? Вы снова везли груз Королю? Так он ведь мёртв.

Стражник смотрел на него взглядом ничего непонимающим, точно ребёнка, с слегка отворёнными губами.

Мужчина не оборачиваясь махнул рукой. Так и замолчали. Но доктор неумолимо продолжал смотреть то на стражника, мирно лежащего внизу, у тросов, то на небо, недвигающееся вместе с повозкой. С каждой минутой чёрные тучи закрывались ветками, пока совсем не скрылись где-то в лесу. Вскоре лошади вышли на тропу, зашагали резвее под хохот мужчины, и стали видны уж недавно зажжённые фонари просёлочных дорог. Замшевые каменные стены являли собою ограждения, снесённые множество лет назад.

Доктор встал и торопливо скинул с себя белый балахон прямо на тропу, где мигом был затоптан ногами. Остался сидеть в чёрной майке, добытой им, как известно, с Севера.

Мужчина повернулся и прошептал что-то густо; стражники кивнули.

Кажется, было решено, что повозка поедет окольными бамбуковыми рощами. И кто знает, где они находятся? Да и кем было решено — обозом?

— Мы сворачиваем к чёртовой матери на рощицы, — вот как сказал мужчина, — ибо мне очень не нравится дорога впереди. Поселения кочевников там, кочевников... Мрачные люди. Они заведут разговор, и я не уверен, что вы сможете вынести это.

Стражник, с которым общался доктор намеренно, вдруг образумился и обратился к мужчине:

— Позвольте, старший? Позвольте? Завтра мы не должны заступать. У меня семья и она голодна. — Стражник встал на колено. — Отпустите меня завтра. Я соберу все вещи и рано утром покину пределы нашего места назначения. Будем проезжать мимо полей — позвольте, — он дрогнул на этом слове, — позвольте мне сорвать колосков.

— На кой тебе колосок? — вслепую заревела фигура мужчины. — Ты что, голодающий? Или тебе, свиная рожа, не дают плату за работу? А что — я, что-ли, отвечаю за это?! Мерзкая крыса! Только и можете, что наживаться!..

— Банальные речи твои я заучил! Я могу ими парировать!! Ты что в себе несёшь, подонок? Пропади ты пропадом! Задохнись во сне! Скольких наших ты убил? Что оно тебе дало? — подавил своё вожеление. Ты садист! Больное существо... Никакой ты не начальник, ничем управлять ты не вправе.

Мужчина решил ответить только тогда, когда тон говорящего опустился на обессиленные пустые слова.

— Купайся в своём золоте, — ответил он, — но не покупай за него ничего.

В доме доктора было темно. Нечему удивиться — факела давно погасли, некому их зажечь, а лампы ничего из себя не представляют. На их дне нагар из масел и керосина.

Воничка не вынимала свой язык из её влажного рта. Девочка чувствовала себя поражённой жертвой пьявки и застыла, словно сделанная из кости. А Воничка, в свою очередь, не останавливалась; язык блуждал по зубам, по нёбу и по подъязычным венам девочки. Громкие изначально, стоны Вонички растворялись глухими сдавленными.

Поздней ночью Воничка помогла девочке убраться в комнате.

Воничка, не препоясанная и распахнутая, вышла со двора и пошла помеж заборов, ощущая в себе мерзкое победоносное влечение к женскому полу.

VIII

Путешественники спали в высокой траве. Спала одна лошадь, которую кнутом изгнали у соседей в Тропической деревне. Рядом с ней, вповалку, дремали стражники. Мечи, щиты и некоторые элементы доспехов безобразно валялись окрест. Рано утром солнце ещё не палит, можно не закрываться. И непонятно, прошёл ли обоз бамбуковые рощи? Непонятно также было то, куда именно они двигались вчера ночью, в какое поселение зашли и что произошло в итоге? Ведь никто этого не помнил.

Несколько стражников проснулись по зову циркадного маятника, как от кошмара. Схватили мечи и засунули их небрежно в свои португеи. Одного звали, кажется, Робин — он был рыжеволосым, лицо укрывали полипы, которые он боялся вырезать у местных врачей; врачи, знают все, в краях Королевства работают за плату не мелочную... Не у каждого стражника найдётся столько, сколько нужно. Второго стражника, сбежавшего с Робинем, звали, кажется, Капроном, и выглядел он, как животное пернатое, с гребнем и крыльями, которыми, впрочем, управлять не мог, — выглядел Капрон петухом: такая же рябая морда, обвисшие вследствие целлюлита ноги, розовая небритость.

Что эти два стражника возомнили о себе, решившись на дезертирство? Возможно, кто-то подумает, что одним из этих стражников был вчерашний храбрый малый, что посмел перечить и огрызаться с женщиной; конечно, нет. Всю дорогу молчавшие, стражники не продумывали план побега. Просто утром ранним, когда все спали, проснулись оба — от страшной, сдавливающей грудь растерянности.

Побежали через траву. Испарапали всё лицо, и так вымазанное жизненными обстоятельствами; у кого шрам, у кого ожог под глазом, у кого швы... Через десять минут поле кончилось обветшалой церковью, куда стражники зашли с непреодолимым страхом. На горизонте, видели, зрели бурые от крови тучи, которые ничего хорошего не предвещали. В этих землях почва впитывает влагу пуше обычного. Если сейчас пойти напролом буре — можно умереть в трясине.

После начался дождь. Капля за каплей будила спящих у повозки людей. Мужчина закричал и с дурости ударил одного стражника ногой в подреберье. Запряглись, уселись и поехали. Главной целью было переждать осадки. Ничего лучше не придумали, чем поехать в дебри близлежащего леса и укрыться под листвой, густоте которой завидовал, например, дым огня.

Происходил ужас. Многие переставали держаться за ниточку своего равновесия и падали где-то глубоко в голове, падали с грохотом на зад, поднимая пыль; в глазах это видно вполне явственно.

Воничку подвозили не один раз. Её подвозили освободившиеся от работы писари, коммивояжёры и повара, той же поздней ночью, думая, что это проститутка выставила руку вперёд. Но Воничка ничего не думала такого о себе: выставит руку и ждёт, пока вдали не засветятся кавалькады. Мужики попадались жирные и похабные, такие, что Воничку воротило всем её худеньким нутром, морозило и трясло. Сколько раз она представляла, что душит мужика!

Её трогали и лапали грязными шахтёрскими руками. Воничка отнекивалась и отмахивалась, но румянцем не покрывалась — бледнела. Жар керосиновых ламп освещал её хмурое лицо, сердитые брови и ямочки, превратившиеся в рвы, по краям её улыбки. Улыбки натянутой и чёрной, присущей бесу. Во время пути Воничку доставали многочисленными вопросами, ответ на которые она находила мгновенно, даже не помывшись, второпях разглаживая задранное чьими-то руками платье. «Убить бы вас всех, мерзкие вы люди, и развесить вас по облакам, — думала она и шептала».

— Нечего валять дурочку! — говаривал мужик, еле заправив одежду под толстые бока. — Ты для чего оделась, как блядь? Или что, из себя не представляешь блядь? — я ж вижу в тебе блядь, дешёвка! Бросить бы тебя на дорогу, чтоб камни щебня поломали тебе все позвонки твои, сросшиеся, к сожалению, правильно. Или ты во мне увидела что-то животное, противное, жирное, аморальное? Так я сброшу тебя и катись в горсти пыли! Ты этого хочешь? — и он замахивался после этих слов, впрочем, повторявшихся по своему смыслу несколько раз, и лузгал её по наболевшей заднице, которая была предательски открыта ввиду позиции на седле.

Воничка пыталась не вскрикивать, ибо у неё это получалось как стон, и молчала. Сжимала зубы и не замечала, что щёки внутри прикушены, а брови выгнуты вниз, очень неестественно для её доброго лица.

Последующие разы всё повторялось. Правда, последующие разы были несколько более пошлыми. Приведу пример: когда остановилась Красная Кавалькада — обоз, где исключительно беременные кобылы покрыты красными попонами — несколько из всадников громко засмеялись и начали избивать кобылок по округлому животу. Те стонали. Воничка тут же отказалась и попыталась смахнуть всё на плохое самочувствие, но Красная Кавалькада забрала её с собой. Там над Воничкой издевались; пока передние ряды травили бородатые анекдоты, задние заставляли Воничку ошупывать свою грудь. Она ошупывала, под страхом и гнётом их весёлых ночных, обросших лиц. И действительно, никто из всадников не казался ей доброжелательным. Один направлял её ручки, показывая, в каких именно местах она должна себя трогать. Воничке зажало сердце, когда ей стало вдруг приятно от этого. И ухо, слышавшее анекдот, заставило вдруг улыбнуться, но улыбка Вонички,

как нетрудно догадаться, вовсе не была похожей на ту, которую она испытывала во времена детства.

«Боже мой, не хочу этого видеть. Только вот никто не в силах ослепить меня. Только я могу. Но не сделаю этого».

IX

Всю оставшуюся ночь Воничка находилась в лихорадке. На прохладной молодой коже остались пятилапые ожоги Красной Кавалькады. Господь их создал, чтобы научить Воничку чему-то сакральному, однако она же ничему не научилась. И снова она шла одна, и снова ковыляла, словно простреленная в бедро, и держалась за больной от ходьбы бок. Никто не хотел прийти, казалось, ей на помощь, и никому она не нужна была в тот момент.

Только на следующее утро она образумилась сходить в кусты и, пройдя несколько шагов от мокрого места, повалиться на другие, мягкие кусты. Там Воничка заснула мёртвым сном. Ослабшее тело под влиянием сна успокоилось и перестало дрожать. Она не видела этого, но за кустами, и ещё чуть дальше их, за высокими деревьями-оградами, которое Королевство высадило здесь колеями, стояли первые дома придворных. Теперь, за их крышами, если подняться и посмотреть, — можно увидеть серебряные купола Замка.

Повозка же разбрелась. Дождь перерос в ливень, а ливень — в бурю, как и ожидалось. Доктор исчез утренним туманом; несколько стражников дежурили вокруг и заметили пропажу. Никто, конечно же, тревогу не поднял. Доктор и не нужен был; на кой чёрт он присоединился к ним тогда, у дома? Никого не волновала и судьба его дочери.

У мужчины начались проблемы с памятью: он гнал стражу, сам не зная, по какой причине. Медленно стражники уменьшались в количестве. Любой попутный караван разбойников мог бы уничтожить и умертвить обоз.

В обед было решено почти однозначно, что мужчина и несколько самых крепких стражников пойдут с ним. Остальные останутся там, удивлённые бессмысленным приказом, и будут сторожить.

— Нужно хоронить Воничку, — как-то странно произнёс мужчина и выпил родниковую воду.

Х

Воничка вошла в Королевские покои и разделась. Она стояла нагая посреди пустого тронного зала. Это было в девять часов утра.

Её изнасиловали. Она сама этого хотела.

— Раз ты пожелала осквернения, то не должна противиться боли или неприятным ощущениям, — поговаривал насилующий её рыцарь.

Воничка хотела отвечать ему и вынимала скомканные трусы из рта, но тут же затыкала его, так как не могла сдержать плач.

— Сколько лет мы провели без Короля...

— Кто это? — спросил подошедший рыцарь.

— Лучница; убила Короля в своё время.

— Кто ей позволил это сделать? — недоверчиво хмурился рыцарь.

— Я не знаю. Меня же не было тогда на Земле.

Когда всё закончилось, Воничка вынула трусы.

— Я не убивала, — спокойно, но через боль сказала она, — я тоже тогда не жила.

Рыцарь ударил её, и Воничка свалилась. Холодный пол она почувствовала сразу. Что-то щёлкнуло в её голове... Она бранилась.

Вскоре Воничку провели на улицу и попросили свободных кучеров подвезти её туда, куда она скажет. Воничка всеми силами хотела показать, что она в этом не нуждается, но Королевские люди настояли на своём; плюсом ко всему в Королевстве был назначен сбор свиты. Когда важные люди собирались в кругу и что-то обсуждали — это, непременно, вызывало в окрестностях Королевства бурную суету; приготовления, приготовления и ещё раз приготовления. Воничка попросту мешалась.

Поборов своё упрямство, Воничка превратилась снова в кроткую и смущённую зайчишку. Больше она никак не хотела никому противиться.

— Куда тебя? — спросил кучер, жуя табак.

Воничка присмотрелась и удивилась: «В наше-то время его достать!»

Она ответила что-то непонятное, так как плохо знала свою страну; единственное, что учла Воничка, это назвать неизвестно где располагающуюся местность в пределах сельскохозяйственной. Там, подумала она, сможет отдохнуть от всех людских дел.

Кучер кивнул и поехал. Всю дорогу Воничка гладила сбрую влажными от пота пальцами.

Забавно получилось вскоре: повозка кучера пересеклась с другою, до перехватывающего дыхание ужаса знакомую Воничке. Мужчина, потрёпанный бурей, сидел, конечно же, во главе и гнал лошадь; пара стражников. Отсутствие доктора она сперва не заметила. Ведь не трудно

догадаться, что и девчонку, с которой делила свою похоть, не вспоминала всё это время.

— Остановитесь! Остановитесь! — закричал мужчина, выплёвывая колосок; откашлявшись, он завопил с удвоенной злостью: — Лучница!!

После этих слов повозка резко остановилась, будто сама лошадь, заслышав это, отказалась идти. Кучер же перестал жевать табак.

— Отдайте её мне! Немедленно! — продолжал мужчина, вставая на ноги. — Вы даже не представляете, *кого* везёте! И куда вы её принялись везти?! Кто вам — черти! — позволил везти её? Отдавайте её мне, мне! Это же... лучница, чёрт бы вас побрал!

Воничка ничего не понимала — в голове только плавало масло. Она была рада хотя бы тому, что в голове есть масло. Ничего другого Воничка понимать не старалась; не хотела.

Кучер чего-то забоялся и посмотрел на Воничку; всем своим усталым взглядом он указывал ей слезть. Воничка слезла. Мужчина, только рука смогла дотянуться до её тонкого плеча, притянул её к себе. Там она, имеющая нездоровую привычку к этому существу, уселась поудобнее и даже несколько вальяжно.

Без лишних разговоров повозка тронулась.

— Так ли важно, куда мы едем? — спросил мужчина, от своей корневой злобы поторапливая лошадь. — Надо же было вам додуматься! Надо же было! Как вам хватило ума сесть к незнакомому кучеру? Ну что я вам говорил? — не стесняйтесь своего величия!

— Кучера мне выделило Королевство, — тихо сказала Воничка. — Меня обесчестили и надо мной грубо, извращённо поиздевались, пока вас не было, — и едва сдерживая трясущуюся губу, Воничка перевела дыхание. — Пока вас не было, меня чуть не убили. Я сама себя не помню! Вы меня бросили, как сучку! Я что — сучка вам?

Мужчина впервые за долгое время ощутил в груди комок неприязни к самому себе. Ему стало страшно, и, желая развеять её домыслы, но при этом боясь перебить, мужчина паниковал. Воничка же тем временем уже перешла на плач; слёзы попадали в рот, когда она говорила, отчего проглатывала некоторые слова. Это звучало невероятно жалобно.

— *Что* вы позволяете, когда я изливаю вам свою душу?.. — плакала Воничка. — Вам меня не понять, ведь так? Ведь так? да? Всегда так было! Я потеряла рассудок, дарованный матерью! Я потеряла всякую связь с моралью!

— Довольно, довольно, прекратите, — говорил мужчина и даже на мгновение задумался о том, чтобы обнять Воничку. — Девушке такого высокого титула просто некрасиво плакать! Ох, представьте, как неудобно нам — мне, стражникам моим? А как тоскует наша Королевская рать, когда вы тоскуете?..

— Уважайте меня! Позвольте... уважать меня! — Воничка посмотрела ему в зенки холодным и мокрым взглядом, каким бывает снег на замёрзшем труп. — Я *лучница*, а не блядь, которую можно

таскать из одного угла в угол. Я лучница. Или вы забыли? — спросила она с удвоенным интересом и утроенной страстью, когда заметила рождающийся ужас у мужчины.

— Конечно, лучница, — кивал мужчина, — я ведь не сказал, что это не так. И что — о, Господи! — не говорите так никогда! Какая же вы... блядь? Не позволяйте так сравнивать себя! Язык ваш — враг ваш...

И слёзы на щеках у Вонички давно высохли. В её глазах, некогда светлых и терпеливых, стражники, по глупости своей заглянувшие из-за спины мужчины, заметили процесс разложения головы на козий череп.

XI

Воничку оборвали и силой вытянули из того болота, в которое она вошла абсолютно голая с целью получить женское удовольствие. Оборвал, если учесть конкретику, пеший малый почтальон. Фиолетовый голубь не успевал за ним сзади.

Обернувшиеся на него люди сразу сознали то, что письмо, которое он так явственно вытягивал своими короткими пальцами, скрывало в себе ужасное таинство. Мужчина, знавший это всё по многолетнему опыту, напрягся первый, однако его напряжение не продлилось долго. Затем он глянул Воничке в ресницы, то есть снова боясь встретиться с ней глазами. (Воничка же к этому времени казалась беззащитной и такой, какой бывает невинная кошка после изнасилования.)

— У меня письмо, — прибежав, сказал почтальон.

— Ясен огонь, — рывкнул мужчина (он был зол), — давай письмо.

Почтальон дал.

Мужчина раскрыл его, с влажным звуком проникнув вовнутрь.

«Ты совратила достойного человека. Я знал о тебе ещё со времён царизма, но не представлял, насколько твоя желчь желудочная напиталась кислинки; что сейчас, плюя на всех, ты убиваешь авторитет не только свой, как представительницы обычного верховенства, но и Королевства авторитет. Он прогибается под твоей спиной и поясницей очень сильно, и он скрипит, он ноет и стонет, как живой. Маленькую девочку, что ничего не сделала тебе недостойного, ты совратила несколько дней назад по прихоти сугубо своей. Отец девочки, которую ты совратила, многие годы провёл на службе и отдал часть своей жизни алхимии в Северной Коалиции...»

Мужчина не стал читать дальше, снизившись до зловещего шёпота. Никому, впрочем, он злобным не показался.

— Это... — начала Воничка, — это мне? Я совратила человека?

«Нет, нет, не продолжай! — подумал он. — Ещё немного, и ты перейдёшь на истерический припадочный хохот, свойственный стервятнику, что откусывает красное мясо от жёлтого, таким образом надеясь на его меньшую тухлость».

— На письмо: читай, — сказал мужчина почтальону.

Он взял и вчитался.

Через пару минут у всех присутствующих сердце упало; ибо Воничку приказали связать и привезти к Королевским казематам. Обвинили её в совращении малолетней девочки, дочери уважаемого алхимика Коалиции; девочка сама пожаловалась. И, отданную на некоторое время под суд, обязываются в конечном итоге казнить. Скрижали на Королевской площади не тронут, однако любое связывание Вонички с лучницей отныне строго запрещается законом.

Воничка сглотнула пыльного воздуха, и ей поплохело.

XII

Мужчина общался с почтальоном шёпотом, пока стражники пытались успокоить рыдающую, точно беременную мать, Воничку; они трогали её за плечи, за волосы, приобнимали и даже чмокали иногда в макушку, когда ей было особенно тяжело. Воничка же не давала никакого сопротивления. Всем казалось, что ей это просто необходимо, и если она не примет эти ухаживания для своего блага, то может сойти с ума.

Всё неприятно пахло. Чёртово место. Кто-то неподалёку опрокинул огромную бочку с вином. Люди не ходили.

Воничка подняла голову к небу, отстраняя стражников, и увидела тёмно-голубую полосу солнца. Облака застыли на месте, не двигались, хотя Воничке этого очень хотелось. По приказу мужчины стражники окружили девушку и накрыли её брезентом; самый тихий из них, чьи длинные ведьмины волосы торчали из доспехов, положил на свои колени голову Вонички. Она обвила руками стражника в ответ на это и уснула. Сквозь сон она слышала, что мужчина вместе с почтальоном общаются на тему письма; мужчина, выделяя Воничку, был зол до предела, постоянно обрывал почтальона на полуслове, бил его по ладошкам и называл так, как не стоило бы. Почтальон, в свою очередь, вёл себя как зажатая в мышеловке мышь, уже не чувствуя онемевший хвост, что-то пытаясь пиццать.

— Я незамедлительно убью тебя, — говаривал мужчина, — если ты не объяснишь мне прямо сейчас, от кого пришло письмо и кто передал его тебе в руки.

Почтальон стремался:

— Наш высший сан Королевской рати, уважаемый сударь. Письмо я получил от него...

— Кто он? — закричал мужчина, замахиваясь медвежьим кулаком, — кто? Какой ещё высший чин? Это кто так говорит? Чёрт... Ты — чёрт... Жалкая, сука, слизь. Подонок... Ты — подонок...

— Я не подонок, — ответил как-то резво почтальон, — я принёс письмо! Я его, что-ль, писал? сударь?

— Теперь мне нужно бороться не только за честь лучницы, но и за её жизнь. Не могу поверить! — возопил он. — Не могу, боже, поверить!.. Это клевета.

Мужчина, сказав это серьёзно, снова улыбнулся:

— Нужно отправляться в далёкие земли. Хоронить Воничку. Впрочем, у меня есть племянник, что живёт где-то на краю Королевства, в домишке просторном, хоть и слабом; поеду туда. Там Воничку мне придётся, ценой своей жизни, защищать. А как иначе? Ты, мразь усатая, думаешь, что есть «иначе»? Не думай так... Я тебе покажу, что такое заключение. Я тебе покажу, что такое баланда, червь ты на побегушках.

Мужчина вынул кнут и убил почтальона.

Повозка остановилась у селений. Дальше шли маленькие дряхлые дома, к коим мужчина точно не мог иметь отношения. Все выгрузились, сошли на землю; Воничку оставили.

У калитки стояла фигура, которую описать можно двумя словами: занудный максималист. Выделили его больше всего блекло-жёлтые волосы, витые и кучерявые во все стороны, налево и направо. На горбатом носу лежали очки, приспущенные назидательно. Одета фигура была скромно и дёшево, но не бедно — имелись зачатки дворянина.

Весь вымазанный и поклёванный чьим-то клювом, мальчик стоял и протягивал дяде свою занозистую руку.

— Иветт, — сказал мужчина и поздоровался, но обратился он к стражникам и как будто к Воничке, которая спала, — мой племянник. Мой дурак. Кровь моей сестры. Занятный малый — инженер. Готов обрести безумие, ха! ха!

Стражники знали его, знали. Не понимали, в общем, к кому обращался мужчина с такими представлениями. «Сам ли ты, старик, не обрёл?»

Воничку разбили падающие жёлтые листы, прохладные и мокрые, видимо, от несуществующей росы. Глазки раскрылись от света; брезент упал с её лица. Никогда прежде она не чувствовала себя такой отдохнувшей и свободной от мужчин. Раньше, возможно, если она представляла половые органы, её брало в дрожь, но, через силу, она всё-таки мастурбировала. Сейчас же всё было заметно наоборот: дрожь не происходила, поднималась синяя тошнота. Воничка наделила тошноту цветом, потому что она была холодной и неестественной.

— Ты малый, ты милый, — сказала Воничка, пообеда его взглядом. — Что же ты нашёл сакрального в своём деле?

Иветт визгливо вздохнул носом и пошёл развязывать ворота (они были на три узла).

— У меня всё получается. Я схожу с ума, как и все, в такой — или иной — степени... — говорил он очень вятно и лениво. — Что, впрочем, никак меня не волнует. Я строю лодку, чтобы поплыть в океан и запечатлеть там удивительный феномен — расслоение пространства. За него дадут много денег... славу... любовь.

На улице осел дождь. Повозка проехала, когда Иветт открыл ворота, и спряталась в стойле. Все прошли в дом. Внутри, спускавшаяся со второго этажа на первый, мать Иветта, женщина очень красивая и умная, с пышными коровьими формами, сказала «Привет».

Словно в дом вошёл не брат со стражей, а невестка.

Все полагали, что потом она исчезла в туалете, где ей, собственно, было место; что делать женщине, после беременности, поглаживающей свой целлюлит на розовых ягодицах и не ощущая при этом тесноты нижнего белья, если не мочиться в одно единственное лошадиное ведро.

Ведь она находила, поверьте моим скудным словам, удовольствие в этом процессе; добавлю, что Фиэла, — так её звали, — очень хотела дочь, а не сына. Ей снилось, как поздней тёмной ночью, когда во всём доме не горят лампы и когда в доме тепло и уютно, её будит маленькая (от шести до десяти лет) доченька, крестит свои ноги, держится за треугольник ниже живота и просится, писклявым жалобным голосом, чтобы мама поддержала её руками, пока та будет испускать из себя мочу. Вероятно, которую недавно она выпила в виде сока.

И боже помиловал их семью — Фиэла не уродила дочь. Ибо к своему сыну, Иветту, ничего подобного не питала, в детстве ему с мочеиспусканием не помогала, игнорировала и даже плакала, когда тот её донимал.

Так Фиэла стала просто тенью чего-то большего. Иветт считал, что его мать заразилась венерической просекой и сдохла, как скотина мрёт в хлеву.

«Я не хочу тревожить вас; дайте нам ночлег. Я обязываюсь защитить лучницу (он повернулся и указал рукой на Воничку) — лучницу — и дать ей право жить дальше, ибо пришло ей письмо, в котором говорится: что Воничка должна быть связана и помещена в зиндан... Я там был тринадцать лет... Помещена в зиндан и казнена после суда».

Иветт линял умом и понимал, что скоро всё закончится, а за окном шёл дождь, который я хочу сравнить с ужасом серебряного кита.

XIII

Все собрались в спальнной комнате Иветта, за письменным столом; даже стражники укомплектовались небольшой сидячей компанией на кровати. Сидел мужчина, был чем-то встревожен и кидал маленький лисий взгляд на Воничку из-под густых бровей. Она же вообще вела себя отстранённо. Как полагали сидящие стражники, Воничка тяжело переживала это письмо.

«Меня арестуют. Я совратила ту девочку и даже не помню, господь, как её совращала. Может быть, я буду справедливо наказана; мне суждено было так. Пусть меня судят не только за то, что я сделала, но и за то, что меня превозносят в облике лучницы, к коей я не имею никакого величия».

XIV

— Нам стало известно, что за голову этой девушки назначена очень крупная сумма.

— И что? — озлобился мужчина, — и что? Ты попробуешь *взять* эту голову?

— Нет, — ответил Иветт; это он начал. — Я ставлю в известность находящихся здесь. Я понимаю всё; честно слово, понимаю. Но за утаивание лучницы, как ты говоришь мне, дядя, нас тоже могут схватить за ворот и тягать по, так скажем, похожим на каземат учреждениям. А мне совершенно туда не хочется.

Воничка подняла ручку:

— Простите, пусть я уйду. Мне так не нравится, как всё развивается...

На шею стражника, сидящего в первом ряду, упала жёлтая огненная полоса света. Однако он промолчал.

— Не стоит, не стоит, право, надеяться, что я дам слабинку и позволю схватить лучницу за горло. — И мужчина встал.

Грубым рывком он поднял Воничку и спрятал за своею могучей спиной.

Иветт принялся рисовать. Рисовать он любил, пожалуй, больше всего. В рассвете, в рассветной крови, умываясь, он рисовал безумные схемы; это существо проектировало лодку. В его дневниках, сотни раз выведенное чёрными чернилами, красовалось имя «Айли». Вниз падал зубчатый прямоугольник чёрного цвета. Впрочем, это были волосы Айли.

Стражник закричал, как отчаянная птица, и набросился на Воничку; Воничка вскрикнула. Мужчина выставил руку вперёд и стражник упёрся своим лбом об ладонь мужчины, всё пытаясь пробраться вперёд, вперёд, вперёд...

Потом остановились. Жёлтая огненная полоса света перекинулась на заднего стражника. Всё потерпело какое-то крушение.

Воничка смотрела на происходящее, как объект смотрит на бранящийся субъект. Она не боялась, не злилась, не грустила; не радовалась, конечно, тоже, но на её лице, очень бледном с недавнего времени, на мгновение отобразилась улыбка. Возможно, видеть улыбающегося человека — это привычное и праведное дело. Но только не с Воничкой. Ибо когда видишь её улыбку на несоответствующем улыбке лице, становится мрачно на душе и тяжело в ногах; хочется присесть или упасть. Иногда хочется замертво, при этом слыша и видя людей в приглушённом баночном резервуаре. Так Воничка себя ощущала.

Мужчина же держал стражника на поводу, словно сбесившегося козла или свинью с толстым плоским лбом. И он, мужчина, не унывал,

делая это. Он защищал Воничку и был воодушевлён за этим делом.

Иветт, как писалось ранее, погряз в своём безумном черчении. Ничто не могло остановить его. Со стороны, несомненно, он выглядел неуверенным и глупым человеком, но для себя внутреннего, для себя демонитого имел прочную выдержку, прочную уверенность, что он, в данный момент, является содержимым мира и относится к нему максимально прямо. Как если бы он скатывался по прямой.

Фиэла бродила по дому бесшумно и активно. Никто не слышал её шагов.

— Довольно! — не сдержался вдруг мужчина и повёл Воничку за руку прочь из спальни. — Пошли. Хоронить тебя буду.

Воничка проглотила все слова, вязавшиеся на языке, и с ужасом посмотрела на мужчину. В его, словно бородатых, глазах она увидела чёткость намерений.

На заднем дворе был приготовлен котлован. Стражники стояли с лопатами, запыхавшиеся и потные. Чёрные комья земли скрывали их ноги.

«Вот и всё, — звякнуло у неё в голове. — Сейчас меня похоронят».

Мужчина шептал Воничке, чтобы она не переживала ни в коем случае, чтоб она вынашивала внутри себя, под сердцем, как ребёнка, надежду. Похоронив её, говорил мужчина скалясь, он избавит её от долгого тюремного заключения.

— Подождите, — говорила она плачевным голосом, — подождите. За что? Не надо...

Мужчина поволок её сильнее и грубее, словно перед эякуляцией.

Воничка опустила голову к земле; небо будто посерело, и смотреть на него не хотелось. Её ноги почему-то изранены. Стражники по бокам шепчутся и брызжут слюнями. Вдалеке конные жандармы, разрывая тишину золотыми колоколами, скакали по степи. Это напугало мужчину. Он замешкался, приказал стражникам уложить Воничку в котлован, а сам побежал к лошади, где достал спрятанный в сбруе кавказский кинжал.

Воничка ухватила за травинку. Стражники приложили большее усилие, и травинка репнула в её руках. Прозвучал обезображенный мукой крик, и один из стражников взял белую попону, сложил её несколько раз и закинул за шею Воничке, таким образом закрывая ей рот, как кляпом. И Воничка больше не пыталась кричать. Затащили в могилу, стражники неумело открыли гроб ногами, кинули тело на пол: глухой стук и ещё более глухой стон. Бледное лицо Вонички приняло покой. Пальцы, сжимавшиеся младенческой хваткой, размякли, как будто при смерти. Веки закрылись медленно, и было видно, как глаза рассветом закатываются вверх. В волосах лежали клочки земли; некогда чистые волосы.

Подошёл мужчина:

— Зарыть!

Начали зарывать. Каждая лопата на своём языке сплёвывала горстью земли на Воничку. Потом крик мужчины — забыли закрыть гроб.

Когда какой-то тюфяк потянулся своей рукой к крышке гроба, сзади него прозвучал удар колокола. Обернулись все, кроме тюфяка. Толстая нога, испещрённая мундирами, ударила его по спине так, что того отбросило через пропасть, на другую сторону могилы. Воничка не очнулась.

Это был гортанный ужас, тошнотворный страх и желудочный спазм. Всё вместе окутало мужчину, его одного, бедно стоящего посреди наступающей орды конных жандармов, вооружённых длинными и короткими мечами, луками и арбалетами, неизвестными доселе серпами

на цепях — кусаригамои; странные черепашины шлема покрывали их головы, на туловищах, скреплённых портупеей, висели колчаны. Сзади громыхали колокола на белых породистых лошадях.

— Руки прочь! Руки прочь! — кричало злобное существо, скрытое бронёй. Он прорывался к могиле.

Мужчина занёс кинжал.

— Отступите, — сказал ему кто-то рядом.

Мужчина повернулся и уставила безумными глазами на жандарма.

— Я из Лавкоеки, — продолжал он. — *Мы* — из Лавкоеки. Вам не нужно пытаться кого-то спасти, всё кончено. Да, всё кончено. Оставьте попытки.

Тёплые руки жандарма как бы приостановили мужчину, уткнувшись в грудь; обманчивые слова дурно подействовали на мужчину: он рассеялся. В ушах исчез искрящийся жестяной рёв мечей, трущихся друг об друга. Во рту он высосал всю слюну; было сухо и пустынно, как по утрам у старого больного человека.

Затем жандарм исчез в толпе бойцов. Когда мужчина опомнился, было уже поздно что-либо делать. Вся его стража дышала кровью. Десятки литров крови растекались между травинок. Воничку достали, она очнулась от задыхающегося спёртого сна. Первым её словом было: «Письмо!»

Жандармы обратились к полководцу. Полководец согласился. Воничку повели в прибывшие кареты, дали пёрышко и какие-то дешёвые необработанные чернила.

Наконец, мужчине ударило в голову: страшная месть зародилась в его костяных наростах. Там же, где ни один врач не сумел отыскать душу, у него вскипело и закричало. Он ринулся с кинжалом в руках на одного из жандармов. Жидко вонзилось что-то в кожу, потом липкий холод заструился наружу — это мужчину проткнули крутым копьём.

Он умер через тридцать минут, не сумев вынуть копьё из себя.

Воничка же написала письмо следующего содержания:

«Милой моей
дочери доктора и алхимика
Северной Коалиции

Прости себя за это.

Я помню, *что* ты мне говорила тогда, перед смертью Евангелие от Луки. Не плачь, милая, не плачь. Я обязательно выйду и навещу тебя. Никуда не убегай! Не покидай свой дом. Держись рядом с отцом; надеюсь, он с тобой. Подожди, милая. Дождись меня. Я стану тебе матерью, я заменю тебе мать, мы вместе станем дочерьми одного большого отца. (И ещё несколько неудачных попыток написать что-то сухим пером.)

Воничка отдала письмо какому-то почтальону. Скрипучий командирский голос озвучил Воничке, что она арестована и будет в

скорейшем времени представлена Королевскому суду.

Связали, запрягли кого можно и кого нет, уселись. Колокола не звенели более по дороге. Сидя в тёмных сенях кареты, Воничке пахло лошадиным навозом, металлическом потом и, кажется, разлагающимися скотными мухами. Хотелось рвать, рвать, рвать... Только не было чем. Тошнило. Воничка совала пальцы в рот, но их кончили жгли, точно желчные зубья, её глотку, и она с болью и со слезами скрючивалась в коленях.

XVI

Письмо, написанное Воничкой, девочке дошло. Вот как оно было:

Девочка выглянула поздней ночью из тёмного дома, в котором не горел свет. Мрачная и худая, словно носящая вязкую мантию белого цвета, девочка распечатала письмо. Через десять секунд на письмо что-то капнуло.

Это был кал птицы.

XVII

Снаружи разразилось эхо дождя и грома. На заднем дворе утихли стоны, крики и различные копошения, и Иветт вышел.

Фиэла спросила его, будет ли он кушать. Иветт сказал, что да; но сам есть наотрез не хотел. Наоборот, тошнило: в страшные рвы стекала свежая, серая от неба кровь, а трупы убитых стражников и жандармов Лавкоеки клубились, как разбросанные тряпки, которыми утирали носовые кровотечения. Ужас покрыл все члены Иветта. Его ладони в средоточии чернильных уколов затряслись и запотели, как окна.

Вид у этой картины был действительно неприятен. Иветт подумал, что нужно как можно скорее покинуть это место, и решил выйти за двор, свернуть налево, по усеянной рябиной аллее, тем самым попав к калитке соседнего дома. В нём жила Айли — дочь лавкоекского рыцаря, презентабельная девочка-подросток с чёрными, копотными волосами.

Иветт дорожил жизнью Айли. Айли же, в свою очередь, дорожила иветтовским инженерным увлечением, которое помогало ей в повседневности; Айли пользовалась его альтруистским добродушием; Иветт был однажды уничтожен под натиском её желаний, и выполнял одно поручение за другим.

Иветт был влюблён в Айли.

Он постучал в калитку и, не дожидаясь ничего, вошёл. Затем он вошёл в дом.

— Привет, — сказала Айли, стоя на веранде.

— Да, привет.

— Я видела, что там было. — Она приблизилась к нему и, как бы на ухо, но ещё на достаточном расстоянии от него, прошептала: — Это лучница?

— Не знаю, — отстранёно ответил он. — Я не знаю, если честно. Пойдём на улицу?

Айли улыбнулась ему так, будто бы о чём-то догадалась. Иветт обрадовался этому непонятному жесту.

Они вышли. Свежее лето одарило их радостью. Дышать стало легче. Иветт наполнился от ног до скальпа приятным, до ужаса приятным бесстрашием. И сказал:

— Я люблю тебя. Пожалуйста, поплыли со мною в океан. Я уже смастерил лодку. Я смастерил всё, Айличка; я назвал лодку в твою честь. Поплыли со мной? Я так хочу быть с тобой во время этого путешествия. Оно опасное, Айли, оно смертельное. В океанах сейчас буйствуют циклоны. Пожалуйста, Айли, поплыли...

Айли кивала ещё в момент начала его реплики, а под конец её и вовсе закивала: мол, да.

Они обнялись и слиплись жидкой кровью, как родственные души, давно не видевшие друг друга из-за райских хлопот. И Айли поняла, что

абсурд внёс в её жизнь смысл.

XVIII

Воничку выкинули из кареты, подбивая ногами. Она повалилась на красную дорогу, ведущую к наростам булыжника и крепости. Рыцари выстроились в долгий ряд и сделали вид, будто принимают присягу: спины трясутся, как натянутая струна, руки у лба, мечи спущены лезвием вниз, но всегда готовы выброситься вперёд, как голодные маленькие зверьки.

Затравленная Воничка подняла лицо, заскрежетал метал, её ударили в таз. Когда она встала на одно колено, придерживая себя рукой, один из рыцарей с размаху сбил эту опору.

Долго издевались... Потом её кто-то поднял за шиворот и поволок к огромным дверям. Колени плакали, Воничка не могла их утешить. Самые толстые рыцари, доспехи которых сдавливали выступающий жир, шли впереди, указывали дорогу рыцарям-сержантам.

— Сторонись!

Толпа простолюдинов с платками и яблоками кричала вслед:

— Свободу! Свободу!

Открылись ворота. Воничку поставили на ноги и завели в покои судебных лож. Судья пила красное вино, смотря через очки крайне похабной и злой женщиной. Рыцари оставили Воничку стоять посреди зала, отошли. Воничка упала на колени и склонила голову в бессилии.

— Встань, — обратилась к ней судья.

Воничка лишь всхлипывала сгустившейся мокротой, не решаясь сплунуть.

— Встань перед судом, предательница! — повысила она голос. На бездействие Вонички она закричала остолбенелым рыцарям: — Поднимите её!

Рыцари скривились от властного голоса этой женщины. Подняли Воничку грубо, словно отрывая плод от матери.

В это время рядом с судьёй струился худошавый Водолей — секретарь суда. Он совал тонкие библейские листы различных документов ей под нос. Судья кивала и молчала, как в плену. Изучив материалы дела, судья провозгласила следующее:

— Учитывая тяжесть обстоятельств, а именно: совращение малолетнего лица совершеннолетним лицом, в трезвом состоянии ума, с полным осознанием своих действий, без инородных подстрекательств и прочего шантажа... суд считает важным применить быструю меру наказания... но перед этим нуждается в перерыве, — и судья встала, отойдя вместе с Водолеем в какую-то маленькую затемнённую комнату.

Воничка ничего не слушала. В её голове сплошное «нет». Что для неё значило это помещение в тот момент? Ничего стоящего. Руки и ноги казались плавленным парафином, приклеившимся к полу: тяжело

подвигаться, хоть убей. Но Воничка сделала единожды такую попытку, и, поражённая результатом, осела.

Следовала успокаивающая молчаливость: рыцарей, улицы, самой Вонички. Она перестала умолять всех взглядом, осталась сидеть на полу, но уже в более приличной позе, с более-менее стройной спиной. Ожидание же, наоборот, накаляло Воничке ноги: покалывало и тряслось. Приближающийся приговор был схож с надавливанием на мочевой пузырь. Удивительно: совсем не тошнило. Видимо, как можно выплакать все слёзы — так и всю рвоту можно избавить от своего желудка частыми спазмами. А их у Вонички было бесчисленно.

Судья вышла кошкой. Впрыснула себя в комнату — так же резво. (Её грацию следует описывать подобным антизрелым литературным языком.) Уселась за пасмурный стол. И сказала, как отчеканила:

— Четыре года и семь лет провести в зиндане слепого режима. По окончании срока казнить. Отгородить подсудимую от любых заключённых... Дайте ей по заслугам, — она обратилась к рыцарям, — уводите её отсюда. Покиньте это место! Незамедлительно!

Тем временем слух о поимке и преступлении лучницы отозвался по всему Королевству. Сотни людей лишились работы; инфляция достигла немыслимых оборотов — трудиться нужно было больше и дольше; старики и женщины отбились от рук, сказали:

— Чёрт бы вас побрал!

Опустели во мгновение ока кузницы и плавильни: Королевство понемногу начало опускаться в экономическую яму, идущей перед ресурсной. Массовые беспорядки разверзлись. Был такой случай: селяне подкараулили Красную Кавалькаду, когда та миновала главную дорогу, ведущую к фермам (на фоне обезличивания нравственных ценностей врачи так же стали мародёрить); подступили со всех сторон, пригрозили копьями и вилами. Кавалькаду опустошили — прогнали кого куда, а их медикаменты и прочее награбленное барахло — в закрома.

Врачей не трогали — как-никак, это существа полезные в такое-то время. Селяне, правда, так не думали.

— Хватай ирода! Бей ногами!

Хватали, сдавливали кадык локотком.

Кряхтя, кто-то кричал:

— Белый!..

«Белый флаг», — имелось в виду.

Но какой там белый флаг! — убивали. Глаза набухали вместе со всей мордой, краснели, розовели и приобретали гнилой фиолетовый. Потом ослабевшая туша падала головой на дорогу, лицо катилось вправо, чтобы застыть.

Случай рассказан неспроста: одним из всадников Красной Кавалькады оказался подосланный шпион из Северной Коалиции — Жутокан. Чем-то похожий на белокрысую змею, он убежал во пшеничную завесу, которая росла рядом с селением. Спрятался, достал выпуклое стёклышко и давай наблюдать за процессом. А произошло следующее. Смертоубийства мужчины и его стражников мигом разошлись более высоким чином. Призвали армию, вооружили армию, дали приказ — узнать, кто был причастен, и тех схватить в плен. Жутокан работал на органы власти многие годы, был выходцем из деревни кочевников — умел заговаривать зубы и сводить с ума простыми вопросами. Но говорить ему приходилось крайне редко. Если говорить — так в пользу чего-либо.

Пока армия Севера действовала громко, Жутокан, в одиночке, с зализанным волосём, двигался крадущейся походкой несколько сотен верст. Обнаружились под его едким глазом Робин и Капрон — сбежавшие из обоза стражники. (Это было уже после задержания лучницы.) Жутокан пригрозил овальными лезвиями между своих

пальцев, что, мол, не лукавь о том, почему ты сбежал. Рыжий Робин божился — не убивайте меня, клянусь богом, скажу. Пернатый Капрон же, в силу своего характера, ломался. Долго ли ломался? — достаточно долго, отметил Жутотан. Гравированная работа — вскрыть шею, но не задеть жизненно важных артерий; или это везение, сугубо неудавшееся везение.

Посмотри ты так или так — в любом случае станет видно, что долгие методические пытки, может быть, не ломают, но пилят... Капрон рассказал то, что, впрочем, и не имело смысла таить. Он ослепил Робина и обезязычил петуха. Спустя несколько дней анонимным письмом, отданным через привязанного километровым квартальным тросом голубя, о делах узнали все.

Жутокан прибыл к племяннику мужчины, Иветту, однако в окрестностях никого не оказалось. Шёл оранжевый туманный дождик. Все соседи попрятались. Жутокан притворился раненым придворным — одежда, скомканная в сумке. Вышли, приголубили. Старушонка с алыми косичками и морщинистыми щеками приняла гостя по всем обычаям Лавкоеки. Жутокан добыл из неё пользы, узнал: что соседский дом того, в котором произошли убийства, является домом узнаваемым; живёт там лавкоекский рыцарь. В тот день он присутствовал в наряде.

Жутокан поблагодарил женщину и ушёл.

Через три дня, когда Воничку судили, Жукотан елозил по дикой траве в сумеречное время суток. В его руках потела бумажка. Он имел полную ясность о местонахождении захороненных стражников и мужчины, расположение рыцарей Лавкоеки, приближённых и отдалённых к суду людей. На бумажке — начертанная, очень кустаренькая карта, ведущая: в одном разветвлении к казематам, а в другом — к рыцарским дзотам Лавкоеки и прочего армейского состава.

Карту нарисовал картограф Северной Коалиции, отец девочки, коего Жутокан поймал на волоске от самоубийства — отравления цианидами.

Но стоит идти по порядку: когда судья отлучилась вместе с Водолеем на переговоры, Жутокан открывал брусничные ворота. Что же из себя представляли рыцарские дзоты? Обустроенные подземные каморки, в полевых, влажных условиях, скрытые растениями; одна часть дзота выходила на бескрайний луг, расположившийся перед морем. Опоры составляли брёвна и камни. Другую часть, скрытую в земле, никак нельзя было распознать, даже по звуку: если постучать ногой по холму, не получится глухого отзвука древесины, ибо при постройке дзотов сверху нанесли толстые слои земли.

Для обнаружения рыцарских дзотов самими рыцарями — например, в критической ситуации наступления врага — придумали систему обозначений с помощью диких ягод. Каждому отделу полагалась свои.

Рыцарские дзоты, к коим пробрался Жутокан, оказались брусничными. По размерам — не совсем большие. Впрочем, ему не было важно, какими именно размерами будет отличаться дзот; важнее то, что внутри: некие старосты, управляющие взводами, зовущиеся привратниками. Они охраняют вход в дзот и контролируют выход из него. Для того, чтобы выйти из оборонительного сооружения, обычному рыцарю необходимо назваться привратнику, показать поглощённые ножами мечи и глаза, чистые, верные и спокойные на этот момент.

Привратник имеет тесное отношение к пенитенциарным и судовым службам, является исполнителем тех или иных поручений, связанных с лишением свободы, жизни или чести. Это страшный зверь в доспехах и зубчатом наморднике, как у собаки.

Жутокан посмотрел на бумажку и изучил, на какой именно полоске он находится. Дорога идёт вверх — это канализация. Следующая полоса — дорога, идущая зигзагом влево, — газ. Он пошёл направо. Выросли ворота, о которых писалось ранее. Жутокан ощутил пресную бруснику. Известно: если в дзот стучатся, значит, свои. Привратник отворился, тусклые белые свечи горели сзади, на деревянных подносах. Сидели, оперевшись на рукоятки мечей, рыцари. Через значительное расстояние виднелась полоса света — внешняя сторона дзота. Мёртвые мыши дремали на складчатых простынях, сопели. Костёр, даже жгли костёр!

Жутокан растрепал волосы и опустил одежду так, чтобы она превратилась в платье. Привратник, глядя на него, помутнел: за намордником не видно резкой агрессии.

— Я вас шпион, — прошептал Жутокан и смело, сгорбившись, пошagal вовнутрь.

Привратник, слегла опешивший, пропустил его.

— Ну, как у тебя прозвище, коли наш? — спросил привратник.

Жутокан и отвечает:

— Колыбель.

Привратник обернулся на рыцарей — те заметно повеселели.

Ворота захлопнулись за Жутоканом. Сырость повеяла на спину. Привратник взял его за руку и повёл вглубь.

— Колыбель, ты долго. Ты долгий уродец. Мы тебя заждались, — говорил он.

— Жандармов отвлекал я — след нашли они. Ох, след нашли ваш — ваши дзоты хотят окружить. Тут не убежать, ребята, — растянули струны по всей округе, порох на деревьях мешочками висит. Не дай бог искрупустишь. Слышали? — Жутокан обратился к привратнику несколько личным развязным тоном: — Пошли, информация от твоего главаря. Никому велел не слыхать. Пошли. Пошли, не юли. Убьёт ведь. Тебе смерти не бояться — лестно?

Отошли в укромную часть. Жутокан приблизился к его уху в виде близкого человека, обнял привратника за шею и в вентиляционную щель просунул ядовитую иглу. Эта игла — невероятно маленькая и тонкая, не вызывающая никаких болезненных ощущений.

Привратник заметил это, но не обернулся. Кивал в ответ на притуплённый шёпот шпиона.

— ...Заводи всех в яму, устанавливай торпор. Раскрой доспехи — там жарко. На порох слетаются птицы — следи за ними. Следи за птицами...

Потом они вышли из дзота, привратник пал без сил, как медведь, облачённый в сбрую. Солнце стояло верно. Жутокан, как все шпионы подобного учения (подобного — ветхозаветного), ориентировался по солнцу. Малейшее изменение в зените — это как вопль, следующий за полднем.

Жутокан в своём виде вошёл в дзот. Рыцари спросили, куда подевался привратник, и руки их неосознанно лежали на лезвиях, у сточной крови. Шпион хотел что-то сказать, но вдруг прищурился и хлопнул себя по руке.

Рыцари перевели внимание. Жутокан сделал вид, что его укусил комар — он видел, успел заметить, находясь здесь: постоянные рои движущихся комаров, незаметные тёмному глазу, кусали всех рыцарей. Мгновенная боль, сравнимая с уколом, стала привычной; поэтому привратник не обратил на неё внимания.

— Ответ пишет, — ответил Жутокан.

— Какой ответ? кому?

— Рабу.

Рыцари и замолчали, будто глотнувшие воды. Что услышали — это понятно, что. Страх вместо языка, и шевелится.

Жутокан оставил рыцарей в интимной задумчивости, когда покинул дзоты под предлогом опоздания на важную встречу. Он переоделся в привратника. Может показаться, что доспехи должны были спасти с него из-за разительно отличающегося телосложения, однако те имели чугунные клёпки, скажем так, пуговицы — удобная вещь, позволявшая стягивать упругий металл в дугу. Таким образом Жутокан преобразился.

Он быстрым шагом, но с высоко глядящей головой, двинулся вперёд; нельзя подать подозрения, нельзя! В огромной лапе-кастете карта, Жутокан полз по ней в сторону казематов, которые находились в непосредственной близости от суда и крепости.

Подобравшись ближе, к булыжной стене, Жутокан взобрался по выступам камня и после спустился по лестнице вниз, в зал адвокатов. В данный момент там никого не было — в разгаре дня все адвокаты сосут кровь прокуроров. Он вышел в главное перепутье — место, где было много залов, комнат и людей. Слева находилась столовая для рыцарей и стражников — услуга для нудного конвоя. Жутокан пополз дальше, внедряясь в образ привратника с удивительной конформностью. Его боялись все, тряслись все, возле кого он проходил — почему так?

Привратник, если появляется в судейской крепости, обязывается или провести смертника на казнь, или провести ритуал с обещанием, или спустить в зиндан; это человек, имеющий право убить любого зайца, прыгнувшего не так, как нужно. Он может объяснить это помехой в работе и улыбнуться, и уйти.

Жутокан спросил у какого-то сохлого виноградного дедушки, с конусной жёлтой шляпой, читающего декларацию:

— Где проходит процесс над лучницей?

Дедушка три раза сглотнул подряд, прежде чем сказал:

— Прямо.

Привратник в образе Жутокана не на шутку разозлился, закричал:

— Челядь! Тянешь меня? Челядь, ты тянешь меня, сучьи потроха!

У всех исчезло любое желание смотреть на их разговор. Жутокан отвёл глаза выпрямленными пальцами.

— Прямо!.. Ну, прямо... направо, прямо!.. — заврался дедушка и подогнул колени, и так трясущиеся под тонкими брючками.

Жутокан плюнул в его вселенское лицо. Образовался пульсар. Медленным всевластным шагом он направился прямо, направо и прямо. Зелёная дверь — особенный судебный зал. Жутокан вошёл с широкими крыльями-спиной, доспехи во свете фосфоресцирующих свечей блеснули блёклым огоньком: досуха начищенная броня.

Судья уважительно кивнула — уже была здесь. Водолей, охотно что-то говоривший пару секунд назад, заглох, живот скрутило, как от удара в

пах. «Привратник зашёл, — подумали. — Наделённая цинизмом политическая фигура. Может убить нас». Рыцари в спешке медлили, не хотели подходить: Жутокан пришёл крайне вовремя.

— Забираю, — сказал привратник.

Он подошёл к дрожащей от летнего холода Воничке и подышал в её затылок, обрамлённый волосами. Окаймлённый родинками. Жутокан ничего не шептал и никак её не уговаривал — иродски-медленно он скрестил ей руки за спиной и повёл прочь. Воничка спотыкалась, не оборачивалась.

Какие-то очередные стражники с копьями разошлись в стороны, рыцарь на побегушках открыл металлический занавес-двери. Вот так и обнаружился свет в этом мрачном мире. Казематная темнота перед ними — и он в неё. Воничка впереди, а её маленькие ножки даже не стучат по ледяному гудящему бетону-мрамору. Винтовая лестница частично вырывалась во свету канделябров. Стены состояли из перегоревших кирпичей. Постепенно бюрократический шум сверху прошёл через игольное ушко, остановился, прекратился. Воничка слышала: лязг привратника. Дайте же ей взлететь, расправить крылья! Пусть она будет метаться в замкнутом пространстве, в ужасе, подобному слепо залетевшей в дом птице. И в конечном итоге она сама — сама! — опустится на огонь, и даже не закричит, даже не пискнет. Не придётся её хоронить.

Воничке захотелось помочиться. Но она не могла сказать этого — не было силы и храбрости. Привратник заметил, когда её спина согнулась, а шаг стал косым (японским).

— Воничка, сядь, — и он указал на небольшую площадку между верхним и нижним этажами, укрытую деревянными законными скрижалями, свечами и черепами врагов, погибших когда-то при штурме зиндана; это некая архитектурная память.

Воничка не поняла, что он имеет в виду. Припекло, однако; она села, сомкнув налитые веки, и помочилась. Затем сказала:

— Если вы имеете совесть, то не сажайте меня, а убейте меня.
Похороните меня.

— Идём, — ответил он, переступая влажный мрамор под ногами. Моча стекла вниз, закапала. Когда они шли, этот звук стал двояродным...

Спустившись в сырые камерные системы, на виду у всех привратник снял со стены пояс верности, здесь именуемый как девственный браслет. Воничка без лишних слов — она была покорена богу — надела его, предварительно сняв нижнее бельё. Похожий на кальсоны, пояс верности предостерегал от полового акта, мастурбации и самостоятельных манипуляций с гениталиями; одевался лишь женщинам-совратительницам и ведьмам.

Когда все увидели соблюдение правил, отвели взгляд. Жутокан

выловил момент и прислонился к её уху губами:

— Я шпион Севера, и я помогу тебе с похоронами.

Воничка повернулась на него с незримой лёгкостью и улыбнулась, прогибая поясницу. Ресницы.

XXII

— Почему меня судили без адвоката? — спросила она, идущая по коридору. Ниши, расположенные по бокам, являли собою альковы; там никого не было.

Жутокан молчал до тех пор, пока не привёл её к подвалу: место, куда временно попадают особо опасные или значимые преступники. Скрипела чёрная решётка. Воничка чувствовала ужасный запах, но никак не могла знать, что это пахнут кости. Шпион приблизился к ней:

— Я вернусь по выдаче пищи.

Воничка посмотрела в глаза его, наполненные мукой.

— Прости меня.

Потом опустился злобный скрежет чьих-то сапогов. Шпион, тут же ставший привратником, грубо толкнул Воничку вовнутрь промозглой камеры и закрыл решётку. За решёткой об косяк ударилась огромная бронь. Пыль полетела в лицо и осела на душе.

Привратник по ту сторону сделал символический поклон чести какому-то огромному человеку, снаряжённому как паровоз. Цепи лязгали с его предплечий. Какой-то ковш на голове, словно рог. Жутокан обернулся на него, когда человек прошёл далее, и посмотрел в пол с выражением отчуждённости: это был раб, о коем писалось ранее.

Раб вошёл в золото-красную палату, отороченную чёрным базальтом, и преклонился сперва на левое колено, потом на правое, а потом — головой. Цепи распластались под ним, как змеи.

А на троне, ужасная и неповторимая, сидела леди Марвэна.

Раб встал и раскатистым голосом забормотал церковное песнопение

Твоих страстей повержен силой.

Под игом слаб.

Порой — слуга; порою — милый;

И вечно — раб.

XXIII

Стальные стены окружили её, схватили в лапы, как капкан. Воничка оказалась в странном большом помещении, в конце которого, разбросанные в бедламе, валялись снопы сена. Тряпьем были увешаны колонны, подпирающие высокотонные верхние этажи. Данная камера не была постоянной — считалась пограничным карантинном, из которого узников переправляли в другие казематы, в зависимости от их здоровья, психического состояния, физических и умственных способностей.

Отдышавшись от многолетней пыли, Воничка вышла из затемнённого угла, двигаясь, будто мотылёк, на свет. В темнице горели восковые свечи, из-за чего было крайне тускло. (Намасленные тряпки никто не мог позволить ввиду их коптящего свойства.) Воничка простонала в ладонь, ей показалось, что рядом с ней летают скопища голодный мух, точно подле скотной коровы; от резкого испуга её нога оступилась, нырнула в какую-то половую ямку, и Воничка упала. Милый девичий вскрик заполонил духоту казематов прохладой, затем последовала тишина, уже после того, как эхо улеглось обратно на стены.

В глубине камеры:

— Кто ты, бедный?

Воничка открыла глаза: красные линии покрывали зрачок.

— Кто здесь? — рывкнула она и встала. Всё ещё держась за воздух, как за опору.

— Кто ты такая? — переспросил голос, убевившийся в женском присутствии. — Мы тебе зла не причиним... Мы здесь сами — бедняки.

Самая страшная минута её жизни настала, подумала она, однако всё же подошла. Что за звери сидят здесь, под пластами мокрой и прогнившей земли, в зинданах? За какие злодеяния?

Воничка пошла к ним и села рядом с силуэтом по-бедному одетого мужчины, разложившегося на сене, с сухими не двигающимися руками. Бежевое льняное одеяло было на нём. Он плакал, но слёзы давно высохли, оставшись серыми вкраплениями. Рядом с ним — ещё трое таких же, по-другому одетых; они хуже виделись ей, ибо свет не достигал их.

Рука мужчины двинулась за долгое время и обняла Воничку. Воничка поддалась и приблизилась к нему, заелозив.

— Кто ты такая, девочка? — спросил он, убирая волосы с её растрескавшегося лица.

— Лучница.

— А мы здесь — узники. Наш глаз света не видал давно, девочка... Как тебя зовут?

Воничка ответила:

— Воничка, возможно.

— Воничка, за что ты здесь? — Его слабый охрипший голос,

похожий на шум стрекозиных крыльев, маячил прямо возле ушей, проникая будто глубже положенного. Воничке стало невероятно хорошо: объятие, с какой-то стороны жадное, сейчас казалось нужным, таким, каким следует. «Обнимай меня сильнее! — говорила она внутри губ. — Мне так надоела нежность!»

— Не знаю, — улыбнулась она и сжалась клубочком у его колен, словно желающая пригреться змеей. — У меня переменялась жизнь, дорогой незнакомец, переменялась. По щелчку какого-то алчного пальца. Я была обычной девушкой, я скиталась. Но потом появился странный мужчина, какой-то непонятный обоз, стражники! — она посмотрела в его глаза умоляющей кошкой. — Ты знаешь, за *что* я здесь? Ты знаешь?

— Не знаю, — наивно ответил мужчина и уложил её голову на свою грудь. — Мужа отравила? Признавайся, — он засмеялся, очень громко, прегромко.

От смеха проснулись трое. Голоса, перемешавшиеся в писке и теноре, раздались «о-о!»

— Пожаловали! Пожаловали!

Мужчина утихомирил гам. Воничка начала ползти к его телу, желая склеиться неказистыми телами, оклеветанными руками. Сейчас она была похожа на маленького зверька, тянущегося к большой маме-горилле.

— Довольно, парни... Это девочка, Воничкой звать. Ясно вам?.. Неси ткань, леший! Леший!

Леший — с густой волчьей бородой и волосами, похожими на тюк нанка, весь чёрный от какой-то пыли, с бежевыми просветами — встал и побежал в дальний угол камеры, в сундук без крышки. Оттуда он достал большую ворсистую простыню. Вернувшись, леший подстелил её под Воничку, свободной частью укрыв ноги девушки. Отрезав зубами клоч, леший поднёс ткань к факелам; пламя вспыхнуло ярко, осветив камеру, закоптило где-то вдали. Вентиляции, являвшиеся прорезями в стенах, обдувались сквозняком.

Леший, погнутый в коленях, вернулся и запыхался.

— Ну, ну! Рассказывай.

Когда узник только было открыл свой рот, чтобы произнести слово, послышался звон ключей и открылась большая бронь. К решётке подошёл раздатчик баланды. За ним — стоял привратник.

Воничка подбежала к решётке и громко закричала:

— Спаси и сохрани, не забудь! Это мой спаситель, узники, бедненькие, — она замахала своими руками, подзывая к себе.

Раздатчик баланды сухо спросил:

— Еду-то брать будешь?

Воничка посмотрела на него, как на помеху, её улыбка на секунду погасла, а потом угли разгорелись, когда она подняла взор на привратника; шпион обещал вернуться за ней, и вот настало это время.

Она чего-то ждала. Узники сидели, не пошевелившись, их снова одолевала дрема: леший сконфузился, сжался котёнком на сене и заснул. Трое его собратьев тоже.

А потом в каком-то переплетении тревоги, озадаченный сложившейся ситуацией, привратник оголил лицо, подняв намордник, и Воничка увидела две чёрные дырочки вместо глаз, начисто вымытые от крови.

Привратник сказал:

— Прости, я не знал об этом.

Воничка вздохнула и чуть не повалилась на пол. Её голова разболелась, постанывая. Потом открылась решётка, и тех четырёх узников позвали на выход.

Воничка спросила дрожащим голосом:

— Куда их?

Ей ответили, что на сожжение.

Воничка повалилась на колени и горько заплакала. Решётка закрылась, раздатчик еды поехал дальше со своей тележкой. Привратник, что подошёл ближе с целью закрыть решётку, посмотрел на Воничку вырезанными в наморднике щелями. На самом же деле он был слеп. Непонятно: Жутокан это, уже ослеплённый здешними властями, или другой привратник.

— Ты будешь сидеть здесь. Прости, Воничка, я не знал об этом. — Он всунул ключи и прокрутил их. — Я не знал всех тонкостей.

— Меня похоронят? Переведут?

— Нет, — ответил привратник, — ты здесь навечно. Эта одиночная камера; камера выделена для тебя.

— А похороны?

— Я не знаю ничего, — ответил привратник, — и наматываю нитки вокруг пальца своего.

Май — июль 2025 г.